

Глава II Разнорабочий

Первые работы

Попытка поступить во Второе Балтийское училище и стать моряком-подводником закончилась неудачей. Бродский полагал, что его не приняли, потому что он еврей. В неполные шестнадцать лет он ушел из школы и поступил учеником фрезеровщика на завод № 671, известный в городе под своим старым откровенным названием «Арсенал». На заводе он проработал около полугода. Годы юности прошли в чередовании периодов, по несколько месяцев каждый, когда Бродский работал – помощником прозектора в морге областной больницы, кочегаром в бане, матросом на маяке, рабочим в геологических экспедициях – и периодами поисков работы, которая давала бы возможность заниматься самообразованием и литературой. За исключением работы в прозекторской, куда шестнадцатилетний Иосиф пошел, полагая таким образом подготовиться к медицинскому институту, остальные его службы требовали неквалифицированного физического труда: бросать уголь в топку, сколачивать ящики, копать ямы, таскать груз. В те годы он производил впечатление здорового молодого парня. Случайный знакомец рассказывает: «Бродский тогда был здоровый рыжий парень, конопатый, вот с такими плечами, все как надо»⁷⁵. А. Я. Сергеев в начале своих записок «О Бродском» пишет: «Открываю дверь, вижу: стоит ражий рыжий парень. Широкоплечий, здоровенный...»⁷⁶ Вероятно, однако, что он уже страдал наследственной болезнью сердца. В семье это стали замечать после его возвращения из Средней Азии в 1960 году, а в 1962 году он получил освобождение от военной службы «по ст. 8 "в", 30 "в" (неврозы, заболевание сердца)»⁷⁷.

От первой, заводской, работы остались воспоминания о бестолковой организации труда, пьянстве и лодырничанье рабочих⁷⁸. Каждый день надо было вставать чуть свет и ехать в битком набитом автобусе на завод, где предстояло провести день то в бесконечных перекурах и разговорах о футболе, то в лихорадочной «штурмовой» работе. Скука и бессмыслица такого существования отразились в не таких уж шутливых «Рубаи»:

В автобусе утром я еду туда,
где ждет меня страшная рожа труда.
[...] в конце ноября, в темень, слякоть и грязь,
спросонья в нем едут, вахтеров боясь,
угрюмые толпы с гнилыми зубами.
Полощется ветер, злорадно смеясь.

75 Даугава. 2001. № 6. С. 101.

76 Сергеев 1997. С. 426.

77 *Освобождение 2000*. С. 70. Бродский откровенно рассказывал, как ему удалось «закосить», отделаться от призыва: «У меня была хорошая докторша. Все в Ленинграде, кто хотел уклониться от службы в армии, шли к ней. Про меня она сказала, что я психически нестойкий, и назначила мне лекарство... Венгерские возбуждающие таблетки. Их принимало полгорода» (*Труды и дни*. С. 53). Это забавный застольный рассказ, но, как показало дальнейшее, болезнь сердца действительно имела. Ранее, в восемнадцатилетнем возрасте, он получил отсрочку от призыва в связи с заболеванием отца (инфарктом).

78 См. вторую главу мемуарного эссе «Меньше единицы».